

УДК 82'282

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-1-118-124

Наталья Владимировна Ким,*Забайкальский государственный университет**(г. Чита, Россия),**e-mail: natkim_4768@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0001-5845-5057>*

Литературное наследие русской эмиграции в Китае: культурный код

Статья посвящена литературному наследию русской эмиграции в Китае и русскому культурному коду, который был сохранён в творчестве эмигрантов. Дается краткий обзор научной литературы, которая легла в основу методологии исследования, и описание центров русской эмиграции в Поднебесной (Харбина и Шанхая), условий жизни эмигрантов. Актуальность темы обусловлена вниманием современных исследователей к недостаточно изученному литературному наследию «восточной ветви» русской эмиграции. Материалом для исследования послужили произведения из десяти томника «Литература русских эмигрантов в Китае», опубликованного в 2005 г. в Пекине. В данной работе использован комплексный подход, когда разные литературоведческие методы сочетаются с общенаучными, лингвистическими, частными. В десяти томник входят произведения почти ста русских писателей и поэтов в Китае, по разным причинам оказавшимся в эмиграции в Харбине, Шанхае и других китайских городах. В ходе исследования выявляются частотные темы эмигрантского творчества: Родина-мать, Китай-мачеха, исторические события, вера в Бога, разлука, тоска по Отчизне и др. В основном – это культурные коды, закодированная информация, переданная нам предками и позволяющая идентифицировать русскую культуру: «Родина», «Святая Русь», «Вера», «Бог», «Икона», «Любовь», «Дом», «Семья», «Душа», «Надежда», «Война», «Разлука», «Чужбина», «Тоска» и другие, а также концепты (единицы кода), составляющие концептосферу русской картины мира. Своеобразная культурная миссия русских писателей и поэтов «восточной ветви» состоит в том, что их литература является таким же культурным памятником своего времени, как и произведения писателей-эмигрантов «западной ветви». Русские эмигранты не только сохранили в изгнании родную культуру, язык, традиции, религию, но и приумножили культурное наследие России. Литературное творчество русских эмигрантов в Китае должно стать полноправной частью великой русской литературы.

Ключевые слова: русская эмигрантская литература, Россия, Китай, культурное наследие, культурный код, концепт

Natalya V. Kim,*Transbaikal State University**(Chita, Russia),**e-mail: natkim_4768@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0001-5845-5057>*

Russian Emigration's Literary Heritage in China: a Cultural Code

The article is devoted to the literary heritage of the Russian emigration in China and the Russian cultural code, which was preserved in the works of emigrants. A brief overview of the scientific literature, which formed the basis of the research methodology, and a description of the centers of Russian emigration in the Middle Kingdom – Harbin and Shanghai, the living conditions of emigrants are given. The relevance of the topic is due to the attention of modern researchers to the insufficiently studied literary heritage of the “eastern branch” of the Russian emigration. The material for the research was the works from the ten-volume “Literature of Russian emigrants in China” published in 2005 in Beijing. In this work, an integrated research approach is used, when various literary methods are combined with general scientific, linguistic, and private ones. The ten-volume collection includes the works of almost a hundred of Russian writers and poets in China, who for various reasons found themselves in emigration in Harbin, Shanghai and other Chinese cities. This work reveals the frequency themes of emigre creativity: Motherland, China-stepmother, historical events, faith in God, separation, longing for the Fatherland, etc. Basically, these are cultural codes, encoded information transmitted to us by our ancestors and allowing us to identify Russian culture: “Motherland”, “Holy Russia”, “Faith”, “God”, “Icon”, “Love”, “Home”, “Family”, “Soul”, “Hope”, “War”, “Separation”, “Foreign”, “Longing for the Homeland”, etc., as well as concepts (code units) that make up the concept sphere of the Russian picture of the world. The peculiar cultural mission of the Russian writers and poets of the “eastern branch” is that their literature is as much a cultural monument of their time as the works of emigrant writers of the “western branch”. Russian emigrants not only preserved their native culture, language, traditions, religion in exile but also increased the cultural heritage of Russia. The literary work of Russian emigrants in China should become a full-fledged part of the great Russian literature.

Keywords: Russian emigrant literature, Russia, China, cultural heritage, cultural code, theme

© Ким Н. В., 2021

Введение. Сегодня изучение русской эмиграции в Китае идёт в разных направлениях, активно исследуется литературное наследие русских эмигрантов «восточной ветви». Например, «Духовная культура русской эмиграции в Китае» (1998) и «Восточная ветвь русской эмиграции» (1984) В. Ф. Печерицы [11] – первые попытки приблизиться к сути, особенностям и значению «культурной миссии» «восточной ветви» русской эмиграции, описать судьбы научной интеллигенции, литераторов, роль духовности в жизни эмигрантов. О. И. Кочубей в 1998 г. издала книги «Исход и возвращение» и «Из истории русской религиозной эмиграции в Китае», в которых подчёркивается, что Православная церковь явилась оплотом русского духа за рубежом. Тема русской эмиграции в различных аспектах представлена в работах Г. В. Эфендиевой, Н. Н. Аблажей, Г. В. Мелихова [10], Н. Е. Абловой, И. В. Чапыгина, Е. Е. Аурилене [1; 2], А. П. Забияко [5], С. В. Смирнова, А. А. Хисамутдинова.

С китайской стороны одними из первых серьёзных исследований были две работы: «Русский литературный Харбин. 1920–1930» (1994) Цзяо Чень и «Литературная жизнь русской эмиграции в Китае 1920–1940 гг.» (1996) Сюй Гохун, в которых авторы решали объёмный круг задач (историографических, источниковедческих, культурно-описательных, социокультурных), а также проводили критический анализ произведений наиболее талантливых представителей литературной эмиграции. Исследование было продолжено в научных работах Чжан Цдунхуа, Цзян Яньхун и Хань Вэньсюань («Русская дворянская эмиграция после Октябрьской революции»), Унань Линь («Проблемы адаптации русской эмиграции в Китае»), Ли Иннань («Образ Китая в русской поэзии Харбина»), Лю Хао («Поэзия русской эмиграции в Харбине: основные имена и тенденции») и др. Результатом сотрудничества китайского и русского учёных Дяо Шаохуа и А. В. Колесова стала книга «Поэты и прозаики Харбина. Русская журналистика и художественная литература в 20-х годах XX века» (2002). Литература русских эмигрантов была темой научных изысканий таких китайских учёных, как Мяо Хуэй, Жун Цзе, Ли Женьянь, Ван Яминь, Ван Чжуншен, Чжао Цзянчэн, Сун Чжунся и др. С одним из самых известных в научном мире специалистов по нашей теме Лю Вэньфэйем, президентом Китайской ассоциации по исследованию русской литерату-

ры, автору данной статьи посчастливилось работать в университете г. Кайфын в течение двух лет.

Однако, несмотря на исследования в России и Китае данного культурного феномена, на многочисленные научные публикации, огромное количество талантливых литераторов «восточной ветви» и их произведений по-прежнему неизвестно российскому читателю, есть ещё много белых пятен, поэтому актуальность нашей работы очевидна. Нет ещё ясного понимания, что литературное творчество эмиграции в Китае – это тоже часть русской культуры, хотя ещё в 1992 г. в Санкт-Петербурге на «Конгрессе соотечественников» было выдвинуто положение об эмигрантском культурном наследии в целом, и оно стало лейтмотивом этого мероприятия.

Специалистов по эмигрантской русской литературе «восточной ветви» в советской России почти не было, хотя «эмигрантскую литературу – и поэзию – создала советская власть» [2, с. 7]. Сегодня необходимо научное переосмысление и изменение этого отношения и к эмиграции, и к эмигрантской литературе в Китае.

Методология и методы исследования. Цель данной статьи – выявление и анализ особенностей русского литературного наследия «восточной ветви» эмиграции. Пути решения цели, методологию подсказали указанные монографии и труды специалистов по русской эмигрантской литературе в Китае. Чтобы рассмотреть анализируемый объект в целом и все его составные части в связи друг с другом, выбран комплексный подход в исследовании, когда используются разные методы: а) описательный – для описания и систематизации выбранных литературных произведений; б) культурно-исторический – для объяснения особенностей эмигрантской литературы «восточной ветви» через исторические факты и условия; в) количественный – для подсчёта частотной лексики в литературных текстах; г) биографический – для установления взаимосвязи особенностей творчества с биографией автора; д) контекстологический – для определения коннотаций единиц языка через контекст; е) концептуальный – для выявления концептов – единиц культурного кода, закодированной информации, позволяющей идентифицировать русскую культуру.

Результаты исследования и их об-суждение. Если творчество «западной ветви» русской эмиграции «первой волны»

достаточно изучено на Родине, то литературе «восточной ветви» (в Китае) ещё очень далеко до слияния с великой русской литературой. В Китае жили и творили не одна сотня талантливых людей, среди них такие писатели и поэты, как Всеволод Иванов, Арсений Несмелый, Николай Байков, Валерий Перелешин, Елена Таскина, Владимир Слободчиков, Лидия Хаиндрова, Сергей Алымов, Павел Северный, Елизавета Рачинская, Александра Паркау, Николай Щеголев, Михаил Щербаков, Фаина Дмитриева, Алексей Ачаир, Ольга Тельтофт, Николай Светлов, Борис Юльский, Марианна Колосова, Елена Недельская, Альфред Хейдок, Елена Влади, Лариса Андерсен, Владимир Рамбаев, Нина Завадская, Ольга Скопиченко и мн. др.

Численность российских эмигрантов в Китае достигла 400 000 человек. Они бежали, чтобы выжить, от беспощадного красного террора, голода, братоубийственной войны, коллективизации, ссылок, пережив в пути немалые ужасы. Так, например, в повести эмигранта А. Светланского «Бегство из рая» описываются все трудности этого «бегства», а под «раем» подразумевается, конечно, советская Россия, т. к. большевики обещали «рай на земле», а устроили «ад». «Ни одна партия беженцев не проходила границу без человеческих жертв. Кричат: “Стой!” И тут же стреляют. Так и норовят, чтоб убить. Вся тридцативёрстная полоса у границы усеяна трупами наших русских людей», – говорит один из героев повести [13, с. 457]. Бежали не навсегда, многие хотели вернуться, надеялись, что СССР – это историческая случайность.

В Китае беженцы устремились в основном в Харбин – столицу полосы отчуждения, на Китайско-Восточную железную дорогу (далее – КВЖД) (1897–1903). «Наши деды и отцы не только создали такое техническое совершенство своего времени, как КВЖД, но и построили в Маньчжурии десятки городов и посёлков, заселили их, заложили в крае высоко современную культуру в таких ключевых отраслях, как с/х, промышленность, торговля, наука и народное просвещение, открыли русские школы и институты» [9, с. 4]. Китай принял российских эмигрантов, в Харбине все люди были равны.

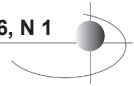
Харбин представлял собой тогда обустроенный россиянами средний провинциальный город. В нём уже сложилась и продолжала быстро развиваться богатая инфраструктура, работали заведения культуры, образования, открылись и стали гото-

вить настоящих профессионалов вузы. Харбин называли «Восточным Петербургом», «Восточным Парижем», «Второй Москвой», «Русской Атлантидой», «Ноевым Ковчегом». Русское поселение города стало самым большим за пределами России. «Харбин с его размеренным, патриархальным укладом жизни закипел политическими страстями, привнесенными в атмосферу имперского колониального города инерцией гражданской войны» [4, с. 96].

Мощным фактором духовного единения и стержнем национальной культуры была Православная церковь. «Таким образом, в русской Маньчжурии существовал достаточно мощный механизм воспроизводства эмигрантской интеллигенции, воспитанной на духовных традициях отечественной культуры» [12, с. 130]. После подписания соглашения между Китаем и СССР, в 1924 г. многим пришлось принять советское гражданство, чтобы иметь работу. Политическая идентичность расколола Харбин. Китайские власти усилили полицейский контроль, активно заработали суды: «Китайский закон в основе своей очень жесток ... Но жить было можно» [6, с. 13].

Следующая по величине колония русских эмигрантов возникла в Шанхае – «Жёлтом Вавилоне». Здесь русские селились на территориях западных концессий, и это привело к тому, что зачастую русский язык уступал место европейским. Творческая эмигрантская интеллигенция Харбина, как и Шанхая, в основном себя реализовала. Ежегодно широко отмечался День русской культуры, регулярно выходили газеты и журналы на русском языке, издавались произведения эмигрантов. Для военных выходили «Военные заметки», «Армия и флот», для учёных – «Вестник Азии», «Вести Маньчжурии», для промышленников и банкиров – «Экономический вестник», для женщин – «Женщина и жизнь», «Женская газета», для детей – «Солнышко», «Ласточка», для казаков – «Атаманский клич», «Казачий путь», просоветские «Молва», «Харбинская правда», «Трибуна», демократические издания «Вперёд», «Заря», «Голос Родины», левые молодёжные газеты «Харбинский день», «Новости жизни», «Эхо», «Знамя пионера», националистические «Нация», «Наш путь» и др.

«Важнейшим способом консервации и трансляции русскости, русской идентичности была литература и другие “высокие” формы культуры» [1, с. 161]. Литературная и издательская жизнь Харбина и Шанхая была насыщенной и плодотворной. Появились ху-

дожественно-литературные студии, объединения «Кольцо», «Чураевка», «Круг поэтов», «Понедельник», «Пятница», проводились «Вечера у зелёной лампы». В. А. Слободчиков вспоминает: «Где ещё в среде дальневосточной или европейской эмиграции на открытые вечера “У зелёной лампы” собиралось до тысячи участников, жаждавших приобщиться к воздуху русской культуры?!... Среди этих людей немало таких, чьи имена уже занесены на скрижали поэзии и истории, но много и тех, чья известность ещё только набирает историческую высоту. Именно некоторых, возможно, не прозвучали и не прозвучат на страницах печати, но люди эти внесли свою лепту в формирование молодых душ как частиц великой русской души» [11, с. 82]. Не одна сотня писателей и поэтов оставили громадное наследие, которое ещё не до конца изучено. Исследователи отмечают, что их произведения вобрала в себя традиция русской классики, серебряного века, «монпарнасские» веяния и экзистенциальные мотивы.

Литературная общественность Харбина не была, как и вся русская эмиграция, однородной и целостной: от абсолютного неприятия большевистской власти в России, ненависти к ней до симпатии и интереса к новому режиму. Жизнь осложнялась политической раздробленностью Китая, японской оккупацией, военными конфликтами, безработицей, особой спецификой региона. «Эмиграция есть одно из самых суровых и глубоких несчастий, которые только могут выпасть на долю человека» [14, с. 116], а с началом войны СССР с фашистской Германией у беженцев добавился ещё дополнительный страх за Родину, отягощённый осознанием невозможности чем-то помочь Отчизне. Люди, рискуя быть арестованными японцами, прятали радиоприёмники, чтобы ночами слушать военные сводки. Литература очень помогала, писать о России начали даже те, кто никогда не видел Родину и раньше не писал. У поэта Льва Гроссе, сына последнего русского императорского дипломата, родившегося в Японии, учившегося в Европе и жившего в Китае, есть потрясающие стихи о Родине, о русской душе, о героизме советского солдата в борьбе с фашизмом.

География необъятной Отчизны, её мощь представлена в топонимической лексике произведений русских эмигрантов в Китае. Поэт Николай Алл в стихотворении «Эх, Москва, Новгород Великий да Суздаль» скорбит о том, что Россия-матушка теперь вся в тюрьмах да острогах, а в «Пе-

тербурге» о том, что там растут кресты – «живые памятники умершей свободы». Арсений Несмелов вспоминает запахи, суету и радость праздничной столицы в «Москве пасхальной». О судьбах русских беженцев пишет Алексей Ачаир в своей «Эмигрантке», которые прошли с Урала по Сибири, через Иркутск, Забайкалье, Читу и попали в Китай, который в «Письме к матери» называет теперь родиной поэтесса Эмма Трахтенберг, чуть не погибшей на Урале и прошедшей тропы Дальнего Востока. В Сибири убит сын героини из произведения Таисии Баженовой «Русская старушка». Елена Даль учит детей на чужбине родному языку и мечтает вернуться к берегам Волги в «Письме из Африки», о великой русской реке и Жигулевских горах вспоминает Елена Недельская в стихотворении «Волга», а Ирина Лесная в «Далёком сне» видит «убелённую снегом Рязань». В поэме «Екатеринбург» Михаила Спургота русский император в подвале Ипатьевского дома молится не за себя, «а о спасении России». Эти иллюстрации можно продолжать бесконечно.

Культурный код *Святая Русь* является центральной темой в произведениях измученных ностальгическими переживаниями эмигрантов: «Прожили мы не напрасно, Родине жизнь посвятим» (О. А. Скопиченко). Культура – это жизнь народа, его душа, его история, культурный код, который определяет народную психологию. Живя на чужбине, русские эмигранты сберегли, сохранили и приумножили русскую культуру.

Вторая серьёзная тема – «*Великий и мудрый Китай*». Страна, которая стала для многих, если не второй матерью, то «*нежной мачехой*», определённа. О любви к Китаю, приютившему целую армию русских эмигрантов, к Харбину, который «*всех милее*», к Шанхаю писали многие. Данная тема ярко представлена в произведениях писателя-натуралиста Н. Байкова «В дебрях Маньчжурии», «Великий Ван», в романах В. Кочаровского «Съе Ви Цан», Г. Кочурова «Ли Чжоу», А. Шампли «Дорога в Шанхай», в стихотворениях О. Скопиченко «Шанхайское захолустье», Вс. Иванова «Харбинский вечер», «Урумчи» В. Дмитриева, «Воспоминания о Харбине» Е. Влади, «На берегах реки Вампу» Н. Языкова, «Стихи о Харбине» А. Несмелова, «Цветок Ван-Хао» Н. Светлова, «Китайский пейзаж» М. Визи, «Ханьчжоу» А. Ачаира, «В храме Ми-Син» Т. Андреевой и др. Китайская жизнь, природа, народ, тайны и загадки китайской культуры, философия и язык обогатили художественный мир рус-

ских поэтов и писателей, придав их произведениям особый колорит, восточную экзотику, краски и настроения. Остались и переводы китайской поэзии (Я. Аракин, М. Щербakov). «Маньчжурия через свои многообразные особенности индуцировала в русской литературе появление тех свойств, которые и придавали ей неповторимое своеобразие, при этом порождая порою аналогичные (китайским) сюжеты, описания, эмоциональный настрой» [7, с. 170].

Огромный пласт составляют произведения эмигрантов, объединённые *темой революции и гражданской войны (кровавая история, разгул революции, гражданская война, потери, тяжёлое бегство)*, где даётся оценка событий, вспоминаются герои и история прошлых веков России. Трагической эпохе посвящены «Белая Голгофа» Я. Дейча, «Жизнь и революция. Гроза пятого года» Л. Арнольдова, «В Красной Москве» С. Гусева-Оренбургского, «Ураган» Б. Ильвова, «Три встречи» Г. Касатского, «Баллада о Даурском бароне», «Стихи о револьверах», «Царевубийцы» А. Несмелова, «Александр Невский» Е. Влади, «Царская Голгофа» О. Скопиченко, «Россия не умрёт», «Письмо наркомму», М. Колосовой, «Война», «Революция» Вс. Иванова и мн. др.

Вся эмигрантская литература пронизана религиозными мотивами, христианским смыслом «*Святая вера в Бога*»: «Культуру можно интерпретировать через посредство ключевых слов» [10, с. 38]. Если при анализе мы сравним культурный код «православная вера» с клубком и начнём его распутывать, то увидим в произведениях эмигрантов длинную цепь понятий, образов, установок, ассоциаций, особо ценных для русской культуры: 1) *милосердный Господь, Бог, Боже, Спас, Иисус, Сын Божий, Христос*; 2) *Богородица, Богоматерь, Матерь Божия*; 3) *волхвы, Рождество, Вифлеем*; 4) *Голгофа, крестные муки*; 5) *Воскресение Христа*; 6) *ангелы, архангелы*; 7) *Православная Русь, Святая Русь, икона Родины, золотые купола Москвы*; 8) *храм, колокольный звон, икона, строгие лики святых, любимая молитва, монах, монашка*; 9) *Божья благодать, Божья воля, Божий мудрый ответ*; 10) *мечты о рае и т. д.*

Ещё одна тема, которая проходит красной нитью в литературе русских эмигрантов – это тема *одиночества (тоски, бездомности, сиротства, «рассеяния по свету»)*: «А за то, что нас Родина выгнала, Мы по свету её разнесли» (А. Ачаир). Яркие образы бежавших на чужбину россиян

авторы создают через самую распространённую стилистическую фигуру речи – эпитеты, с помощью которых пишущие эмигранты показывают своё отношение к событиям и создают трагическую атмосферу: *заблудшие сыны, блуждающие души, бездомные, вездесущие, разбросанные по чужбинам, понесшие кораблекрушение, одетые в отрёпья сиротства, непринятые в раю, гонимые по Земле, отверженные, оторванные, не донесшие креста, босые бродяги, расплётённые, несчастные, забытые, бедные* и т. д. В основном вербализируются экспрессивные причастия и причастные обороты, устойчивые эпитеты (босые, бедные, бездомные, заблудшие). «Годы, тоскою размерены, тоже с ума вы сходите? / Лучше мне быть расстрелянным, чем позабыть о Родине», – пишет поэтесса Ольга Скопиченко [3, с. 25].

Объединяющей для всех изгнанников-литераторов была тема *гуманизма*. «Она оказалась стержневой для всей русской, в том числе зарубежной русской, литературы. Её решение заложено было во всех значительных произведениях писателей и поэтов дальневосточной эмиграции» [7, с. 93]. Эту традицию они переняли от великой классической русской литературы со времён А. Радищева, Д. Фонвизина, А. Пушкина, тема гуманизма особенно актуальна в переломные, кровавые времена истории, когда спасает только вера и любовь к людям.

Заключение. Нельзя перечислить в одной статье всё, что волновало русских писателей и поэтов в Китае, но хочется возразить Вс. Иванову, который в 1929 г. в статье «Об эмигрантской литературе» сетовал на мелкотемье русской беллетристики в Китае. Очевидно, это объясняется давностью сказанного: впереди ещё предстояли почти 20 лет творчества в Китае с богатством окружающих сюжетов.

Концептуальный анализ произведений эмигрантских писателей в Китае позволяет констатировать, что несмотря на то, что авторская картина мира каждого из них индивидуальна, в их творениях прослеживается доминанта тем, образующих культурный код и являющихся фундаментальными для России: «Родина», «Вера», «Бог», «Иисус Христос», «Богородица», «Жизнь», «Душа», «Церковь», «Икона», «Дом», «Любовь», «Судьба», «Война», «Смерть», «Разлука», «Тоска», «Путь», «Страдание», «Чужбина» и др. Особенная ассоциативно-семантическая сеть общего текста связана с концептом «*Китай*».

Объясняется это единым историческим дискурсом, в рамках которого создавалась данная литература.

Китайские коллеги Цао Чжундэ и Ду Минцзин объясняют «глубокую» любовь китайцев к русской литературе тем, что «она наполнена чувством патриотизма, духом героизма, жизненной философией, романтизмом, гуманизмом, поисками справедливости и прекрасного будущего» [15, с.156]. Очевидно, что литературное наследие эмигрантов в Китае, с одной стороны – самостоятельное, самобытное, колоритное явление в русской культуре, с другой – часть великой, блистательной русской литературы.

Составитель десятитомника «Литература русских эмигрантов в Китае» написал: «Россия, я вернул тебе то великое литературное наследие, которое четверть миллиона русских оставили некогда в Китае» [8, с. 15]. Необходимо отметить, что профессор Цицикарского университета Ли Янлен совершил своего рода подвиг, когда в опасные годы культурной революции в Китае продолжал собирать по крохам и сохранял русскую эмигрантскую литературу, рискуя собственной жизнью. За что он и был награждён в 2004 г. Орденом Дружбы и за что многие поколения русских читателей и исследователей будут ему благодарны.

Список литературы

1. Аурилене Е. Е. Судьба русской эмигрантской литературы в Китае (1920–1940 гг.): региональный фактор // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 128–136.
2. Аурилене Е. Е. Политическая идеология русской эмиграции в Маньчжурии: проблема возрождения России // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 2. С. 96–103.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 287 с.
4. Витковский Е. В. «Мы жили тогда на планете другой»: вст. ст. // Антология поэзии русского зарубежья. 1920–1990: в 4 кн. / сост. Е. В. Витковский. М.: Московский рабочий, 1995. Кн. 1. 1494 с.
5. Забияко А. А., Забияко А. П. Русские Трёхречья: фольклор как основа сохранения идентичности в китайской среде // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 2. С. 160–171.
6. Иванов В. Н. Харбин. 20-е годы // Русский Харбин / сост., предисл. и ком.. Е. П. Таскиной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ: Наука, 2005. 352 с.
7. Лебедева Н. А. «Гений места как фактор межкультурного взаимодействия» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 2. С. 165–171.
8. Ли Янлен (Ли Яньлин). Возвращение на Родину: предисл. к 10-томнику. Пекин: Китайская молодёжь. 2005. С. 15–21.
9. Макаров А. Александр Вертинский. Портрет на фоне времени. М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1998. 448 с.
10. Мелихов Г. В. Маньчжурия далёкая и близкая. М.: Наука, 1991. 319 с.
11. Печерица В. Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1999. 276 с.
12. Светланский А. Бегство из рая. Литература русских эмигрантов в Китае: в 10 т. Т. 10. Сладкое или горькое / гл. сост. Ли Янлин. Пекин: Китайская молодёжь, 2005. 502 с.
13. Скопиченко О. Верую. Литература русских эмигрантов в Китае: в 10 т. Т. 1: «Харбин – мой оазис» / сост. Ли Янлин. Пекин: Китайская молодёжь, 2005. 526 с.
14. Слободчиков В. А. Литературная жизнь. Воспоминания. Чураевский след в русской культуре // Русский Харбин / сост., предисл. и ком. Е. П. Таскиной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ: Наука, 2005. 352 с.
15. Цао Чжундэ, Ду Минцзин. Строители литературного моста – о популяризации русской и советской литературы в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 3. С. 153–159.

Статья поступила в редакцию 11.10.2020; принята к публикации 05.12.2021

Сведения об авторе

Ким Наталья Владимировна, старший преподаватель, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; e-mail: natkim_4768@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5845-5057>.

Библиографическое описание статьи

Ким Н. В. Литературное наследие русской эмиграции в Китае: культурный код // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 1. С. 118–124. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-1-118-124.

References

1. Aurilene, E. E. The fate of Russian emigrant literature in China (the 1920s-1940s): regional factor. *Problems of the Far East*, no. 3, pp. 128–136, 2013. (In Rus.)
2. Aurilene, E. E. Political ideology of Russian emigration in Manchuria: the problem of Russian revival. *Problems of the Far East*, no. 2, pp. 69–103, 2017. (In Rus.)
3. Vezhbitskaya, A. Understanding of cultures through the medium of keywords. M: Yazyki slavjanskoj kultury, 2001. (In Rus.)
4. Vitkovskiy, E. V. The introductory article. We lived on another planet. *Antologiya poezii russkogo zarubezh'ya. 1920–1990 in 4 books. Book 1*. M: Moskovskii rabochii, 1995. (In Rus.)
5. Zabiyaiko, A. A., Zabiyaiko, A. P. Russian three rivers: folklore as a basis for preserving identity in the Chinese environment. *Problems of the Far East*, no. 2, pp. 160–171, 2016.
6. Ivanov, V. N. Kharbin. 20 years. Russian Kharbin. M. Izd-vo MGU: Nauka, 2005. (In Rus.)
7. Lebedeva, N. A. Genius of place as a factor of intercultural interaction. *Problems of the Far East*, no. 2, pp. 165–171, 2014. (In Rus.)
8. Li Yanlen (Li Yanling). Return to the Homeland (preface to the 10-volume book). Pekin: Izdat-vo "Kitaiskaya molodezh", 2005. (In Chinese)
9. Makarov, A. Alexander Vertinsky. Portrait against the background of time. Olymp, Smolensk: Rusich, 1998. (In Rus.)
10. Melikhov, G. V. Manchuria far and near. M: Nauka, 1991. (In Rus.)
11. Pecheritsa, V. F. Spiritual culture of Russian emigration in China. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1999. (In Rus.)
12. Svetlanskiy, A. The flight from Paradise. *Literatura russkikh emigrantov v Kitae v 10 tomakh. Volume 10. Sladkoe ili gor'koe*. Pekin: Izdat-vo "Kitaiskaya molodezh", 2005. (In Rus.)
13. Skopichenko, O. Believe. Literature of Russian emigrants in China in 10 volumes. Volume 1. Harbin is my oasis. Pekin: Izdat-vo "Kitaiskaya molodezh", 2005. (In Engl.)
14. Slobodchikov, V. A. Literary life. Memories. Churaevsky trace in Russian culture. *Russkiy Kharbin*. M: Izd-vo MGU: Nauka, 2005. (In Rus.)
15. Tsao Chzhunde, Du Mintszin. Builders of the literary bridge – about popularization of Russian and Soviet literature in China. *Problems of the Far East*, no. 3, pp. 153–159, 2014. (In Rus.)

Received: October 11, 2020; accepted for publication December 5, 2020

Information about author

Kim Natalya V., Senior Lecturer, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672049, Russia; e-mail: natkim_4768@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5845-5057>.

Reference to the article

Kim N. V. Russian Emigration's Literary Heritage in China: the Cultural Code // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 1. PP. 118–124. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-1-118-124.